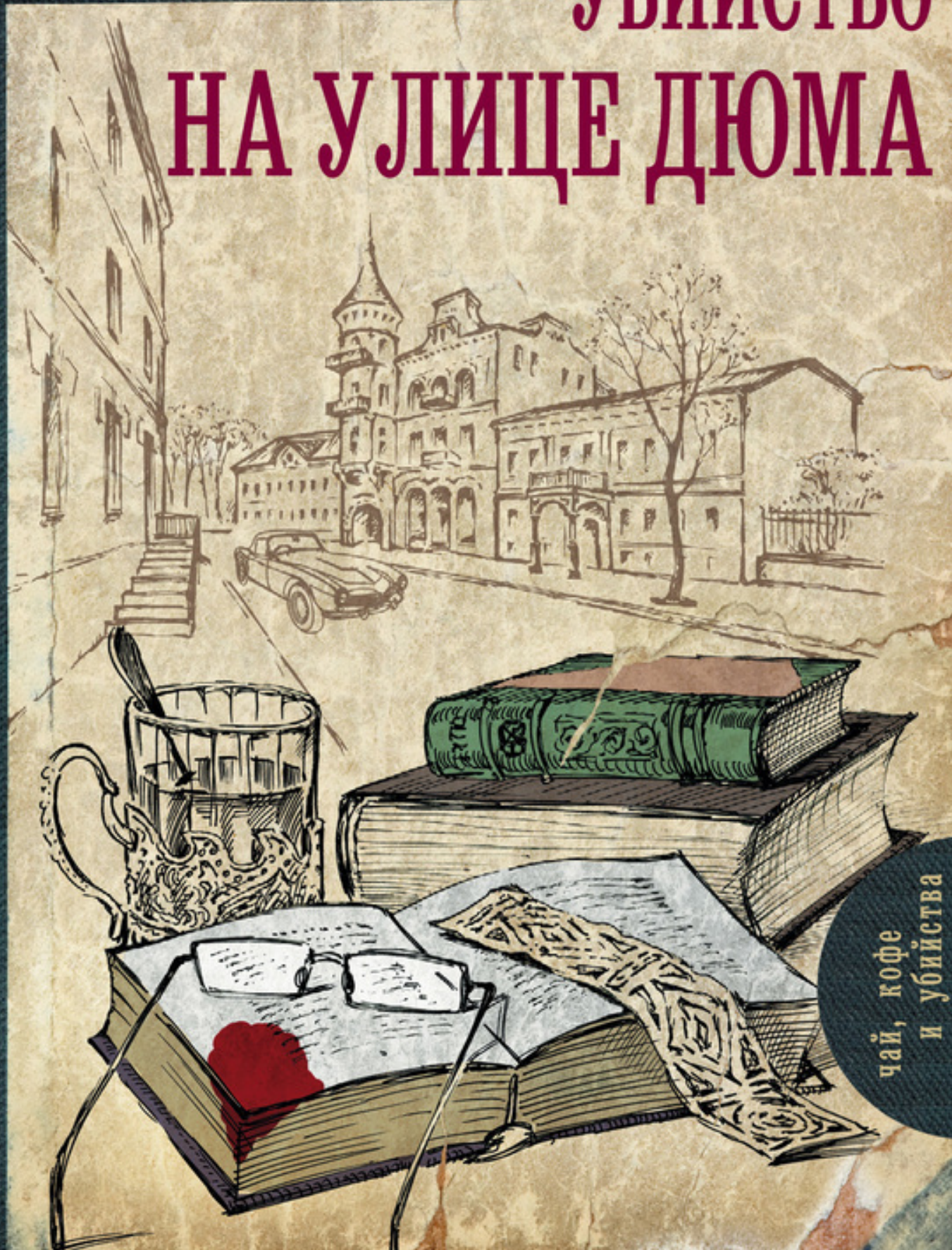

МЭРИ ЛУ ЛОНГВОРТ

УБИЙСТВО

НА УЛИЦЕ ДЮМА

чай, кофе
и убийства

Чай, кофе и убийства

Мэри Лу Лонгворт

Убийство на улице Дюма

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лонгворт М.

Убийство на улице Дюма / М. Лонгворт — «Издательство АСТ»,
2012 — (Чай, кофе и убийства)

ISBN 978-5-17-099899-9

Одно из самых интересных дел Верлака и Бонне – дело об убийстве руководителя кафедры теологии местного университета Жоржа Мута. Мут собирался назвать имя своего преемника, которому предстояло получить высокую должность и апартаменты семнадцатого века. Но его заставили замолчать навсегда... Конечно, у каждого человека есть враги. Однако Верлак и Бонне сомневаются, что мелкие интриги, без которых не обходится ни одно научное сообщество, могут стать мотивом для жестокого преступления. Они начинают собственное расследование и приходят к весьма неожиданному выводу...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099899-9

© Лонгворт М., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Глава 1. В надежде произвести впечатление	6
Глава 2. Истинные ученые	11
Глава 3. Очень глупая затея	13
Глава 4. В каждой работе...	17
Глава 5. Один на миллион	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мэри Лу Лонгворт

Убийство на улице Дюма

Посвящается Кену и Еве

* * *

© Mary Lou Longworth, 2012

© Перевод. М. Б. Левин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1. В надежде произвести впечатление

Дружба между Янном Фалькерью и Тьери Маршивом удивляла весь университет. Мало того, что они конкурировали за одну и ту же докторскую стипендию, так и вообще были совсем разными – и по внешнему виду, и по общественному положению. Янн – высок и белокур, отец – телевизионный продюсер в Париже, мать – дизайнер интерьеров, в разводе с отцом. Тьери – темноволос, низкоросл, коренаст, происхождения намного более скромного: отец – учитель французского в средней школе Марселя, а мать – по-прежнему живущая в браке с отцом – низкооплачиваемая диетсестра в больнице дю Норд.

Оба студента шли быстро и говорили громко, стараясь не делать пауз: каждый был младшим в семье с тремя детьми (хоть одна общая черта) и отлично знал, какие нужны усилия, чтобы тебя услышали.

– Пошевеливайся! – сказал Янн, оборачиваясь к другу на ходу. – Все самое вкусное съедят без нас.

– Что я могу поделаться, если у меня нет твоих жирафьих костылей? – огрызнулся Тьери, пускаясь вприпрыжку, чтобы не отстать. – Мы успели бы выйти вовремя, если бы ты не стал брать трубку и не устроил длинный разговор с этой... как ее...

– Сюзанной, – медленно и отчетливо произнес Янн. – Сюзанной. – Ее так назвали в честь одноименной песни.

– Ну да... возлюбленная твоего детства. Ее отец – сельский доктор в Карнаке, где твоя буржуазная семья идиллически проводила каждое лето. – Тьери остановился, имитируя игру на гитаре, и вполне узнаваемо спародировал Леонарда Коэна:

And she feeds you tea and oranges
That come all the way from China...¹

Он поскользнулся на узком тротуаре, соскочил на проезжую часть.

– Перестань, кретин! – засмеялся Янн. – Ну да, идиллически и каждое лето, ты прав. Такая была идиллия, что родители мои развелись. Может, все это из-за августовских дождей – им приходилось вдвоем торчать в этом идеально обставленном пляжном домике.

Вот то, что Янну в Тьери нравилось: этот парень не узнал бы идеально спроектированный интерьер, даже если бы ткнулся в него лицом с размаху, а узнал бы – так ему было бы наплевать.

Он двинулся дальше, нахмурившись при мысли о матери и отце с их новыми парами, которые ему были совершенно безразличны.

Молодые люди подошли к резной деревянной двери в доме на площади Четырех дельфинов и нажали на кнопку звонка в полированной бронзовой табличке, где было написано «Профессор Мут». Дверь в ответ загудела, щелкнула и со стуком распахнулась. Тьери придержал ее для своего друга, сказав:

– Только после вас!

Он заметил, что Янн вдруг затих, как с ним часто бывало, когда вспоминались его родители – они развелись два года назад, – и Тьери подумал, что зря затронул эту тему.

Он представил себе, как семья Фалькерью сидит в гостиной, мебелированной слишком непрактично для летнего домика – скажем, с белой мебелью, – и молча смотрит на серые волны, набегающие на берег. И он попытался напомнить Янну о других вещах, более веселых:

– Ты всегда только о еде думаешь. Ну, еще и о Сюзанне, конечно.

¹ Она угостит тебя чаем и апельсинами, прибывшими прямо из Китая(англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

Янн засмеялся и вошел в прохладный сырой вестибюль, предвкушая сегодняшний бесплатный ужин и встречу с Сюзанной на рождественских каникулах.

Лишний вес был для Тьери проблемой еще в школе, но тогда у него не было девушки. Первый его роман произошел уже на втором году учебы в университете, и это была та еще встреча. Улла оказалась студенткой по обмену из Швеции – даже Тьери, никогда не выезжавший из Франции, знал этот расхожий образ.

Поднимаясь по широкой каменной лестнице на третий этаж, где находилась квартира профессора Мута, он улыбнулся воспоминанию, но образ обнаженной Уллы в постели померк, когда он огляделся в особняке семнадцатого века. Его восхитил вестибюль, так непохожий на подъезд того дома, где он вырос, или того, где сейчас они с Янном снимали квартиру. Там выложенная красным кафелем лестница так узка, что кресло или даже велосипед по ней протаскать – задача почти невыполнимая.

– Закуски чую, – заметил Янн, перепрыгивая через две ступеньки. – Тарталетки, пицца, наверняка поднос с нарезками и пара сырных тарелок, ручаюсь, сыр из супермаркета. Вот почему процветающие люди любят подавать дешевую еду? – Он обернулся к другу, очнувшись от мечтаний. – Ты слушаешь? Зуб даю, вино будет из пакетов.

– Нищие не выбирают, – ответил он. – А вообще-то я тонкий знаток дешевых вин.

Янн засмеялся и постучал в дверь. Обернувшись к другу-марсельцу, который еще отдувался после подъема, он быстро сказал:

– Обещаю, что когда получу хорошую работу – надеюсь, в ближайшем будущем, – никогда не стану покупать ни дешевое вино, ни сыр из супермаркета.

Тьери с деланой искренностью кивнул:

– Запомню.

При учительской зарплате отца Тьери вырос на сыре промышленного производства, но благодаря своему парижскому другу теперь знал вкус настоящего сыра и тоже надеялся, что когда-нибудь сможет покупать настоящую еду, и не только ее. Пасхальную неделю он провел в пентхаусе мсье Фалькерью, выходящим окнами на Дом инвалидов, и это оказался один из светлейших периодов его двадцати четырех лет. Никогда он не был в стольких ресторанах, и в каждом отца и сына Фалькерью провожали к лучшему столу, и с ними дружелюбно беседовали владельцы, официанты и повара. Мсье Фалькерью восхитил Тьери тем, что при всей куче денег и знаменитых друзьях Янну выделили такой же скудный студенческий бюджет, как и его товарищам.

Дверь открыла высокая красивая женщина лет за сорок, с густыми черными волосами и большими карими глазами. Тьери обрадовался, увидев на ней черное платье с вырезом, в котором она ему нравилась больше всего – в нем было видно не только идеальную оливковую кожу, но и обильную грудь.

– Пат и Паташон, – сказала она, засмеявшись. – Быстренько заходите! – Она подмигнула. – Вы как раз вовремя, стол уже накрыт!

– Спасибо, профессор Леонетти! – произнесли они в унисон.

И Тьери, и Янн почитали ученость хозяина дома, профессора Жоржа Мута, но более ценили динамичные и с юмором лекции его более молодой коллеги, доктора Анни Леонетти. Однако последнее слово в назначении стипендии Дюма принадлежало доктору Муту, и потому они пришли сюда, отменив свое обычное пятничное занятие (охмурять американских девиц, шатающихся по пабам Экс-ан-Прованса), ради угождения своим преподавателям. У Тьери екнуло в груди, когда он увидел море голов, многие из них седые, но от того что доктор Леонетти тоже здесь, ему стало легче. Янн в большом скоплении народа чувствовал себя увереннее, и обычно Тьери смотрел на друга и старался следовать его примеру, но сегодня он дал себе слово быть более независимым.

Доктор Леонетти провела двоих студентов к хозяину и скрылась.

– Постарайся не тарашиться на обстановку, – предупредил друга шепотом Янн. Тъери не остался в долгу:

– Если ты не будешь фальшиво поддакивать «разумеется», как всегда делаешь в разговоре с дуайеном.

– Профессор Мут, bonsoir!²

Янн почтительно пожал руку пожилому седовласому джентльмену.

– Добрый вечер, доктор, – сказал Тъери, тоже пожимая хрупкую руку в пигментных старческих пятнах. – Спасибо вам за приглашение.

– Не за что, не за что, – отмахнулся доктор Мут. – Мои преподаватели так же обходились со мной, когда я был в вашем возрасте. Ну, и у вас была серьезная причина прийти, разве нет?

Он тихо засмеялся собственной шутке. Тъери слабо улыбнулся, зная, что рекомендации на стипендию Дюма дает профессор Мут. Янн же сразу решил, что ему все равно, о чем там думает Мут. Стипендия стала бы хорошим пропуском в программу МБА, поэтому он очень надеялся ее получить и не видел причин это скрывать.

– Ммм... разумеется, – ответил Янн, тоже усмехаясь и заставляя Тъери поднять глаза к потолку, где его взгляд остановился на ярких цветных фресках с мифологическими фигурами. Парящие над головой боги и богини, впечатанные в белую штукатурку, были окружены рамками, отлитыми в виде флоры и фауны – они называются gypseries, Янн точно помнил. Янн любил не только деньги, но и искусство, а еще при первой возможности делиться своими знаниями, – но он поверх плеча доктора Мута смотрел на длинный деревянный стол, уставленный подносами с едой. Тъери увидел, что предположения друга оправдались: нарезанная квадратиками пицца, круги сыра бри, хлеб и холодные нарезки. Но вино было в бутылках. Янн пробормотал извинение и бочком двинулся к столу, где доктор Леонетти наливала себе вино. Она смотрела на двоих приятелей, и в углах ее большого рта залегала улыбка – эти парни ей нравились, но она не могла взять в толк, зачем им теология. Было у нее чувство, что Янн Фалькерью выбрал это направление, поскольку этот факультет лучше финансировался, а конкурс ниже, чем на историю, – по той простой причине, что студентов меньше. А ему бы, наверное, следовало изучать право или бизнес. У нее был друг, работающий на финансовую компанию в Лондоне, и он говорил, что сейчас они заманивают в мир акций и облигаций выпускников с факультетов истории и теологии. А тот, что пониже, из Марселя, вообще казался ей загадкой. Она его сегодня спросит о планах на будущее, если сможет отвлечь его внимание от потолка.

– Не хотите? – спросила она Янна, поднимая бутылку.

Янн стоял уже совсем рядом с ней, склонив голову почти на девяносто градусов. Она проследила за его взглядом, забеспокоившись, не слишком ли декольтировано ее платье, – и поняла, что неудобная поза вызвана не нескромностью, а желанием прочесть этикетку на бутылке.

– Бандольское красное! – воскликнул он наконец. – Ну, что ж, спасибо! Профессор Мут превзошел сам себя!

Анни Леонетти улыбнулась:

– Его принесла я. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на плохое вино, не правда ли? Зовите сюда вашего соратника, я ему тоже налью.

Но Тъери уже оказался рядом – он увидел у Леонетти в руках бутылку и тут же прошмыгнул между преподавателями и аспирантами. Успел взять чей-то бокал (нет времени искать чистый, когда вино вот-вот кончится), и тут гул разговоров был перекрыт голосом профессора Мута:

– Нет, Бернар! Будет так, как я вам сказал сегодня у меня в кабинете. И мое решение окончательно!

² Добрый вечер (*фр.*).

Бернар Родье, мужчина средних лет, которого многие из коллег считали слишком красивым для теолога, резко повернулся и направился к двери. Анни Леонетти не могла взять в толк, что значит – *слишком красивый*? Это что же, преподаватель теологии должен быть безобразным? Конечно, на философском факультете были выдающиеся в этом смысле сотрудники, но юридический факультет это компенсировал несколькими очень приличными, если уж не очевидно красивыми, экземплярами. А где она сама на этой лестнице?

Тьерри и Янн тревожно переглянулись, решив, что спор преподавателей шел о стипендии Дюма. Анни улыбнулась и подлила им вина.

– Не волнуйтесь, – сказала она. – К Дюма это не имеет отношения.

Она верно предположила, что Бернар опрометчиво спросил Мута насчет его отставки, объявленной на прошлой неделе на совещании преподавателей. Были названы три имени претендентов на кресло дуайена – пост, к которому прилагаются щедрое жалование, долгие творческие отпуска и двухсотметровая квартира, имеющая историческую ценность. В ней они сейчас все и находились – она расположена на площади, где стоял самый, по мнению многих эксузцев, красивый фонтан – «Четыре дельфина». И кроме фресок, взирающих на обитателей со стен, в окруженном стеной саду была еще одна редкость, которую горожане иногда слышали летом, но никогда не видели за трехметровой стеной: бассейн.

Такой пост был для Прованса необычным, но факультет теологии всегда умудрялся держаться на расстоянии от остального университета. В конце двадцатых годов прошлого века отец Жюль Дюма, священник и бывший глава факультета, завещал свой семейный особняк и все состояние университету, в то время как две нижние квартиры должны были сдаваться университетом и составлять фонд стипендии его имени. Его же именем были названы здание, в котором находились теперь кабинеты и аудитории, и улица в городе. Два его брата погибли в боях Первой мировой войны. Ирония судьбы состояла в том, что семья Дюма составила состояние, производя двигатели для танков, испытанных в семнадцатом году на раскисших полях Пикардии и Бельгии.

Как Анни Леонетти и надеялась, среди трех конкурсантов ее имя тоже значилось. Хотя она была моложе коллег и пользовалась на факультете репутацией модерниста, полученная в Йельском университете степень и частые публикации считались неоспоримыми. Против нее – даже сильнее некоторого излишнего радикализма – работало ее корсиканское происхождение. Место, где она провела первые восемнадцать лет своей жизни, оказало на ее карьеру влияние большее, чем она себе представляла. Поэтому иногда она жалела, что не осталась в Штатах – где факт рождения на Корсике не заработал бы ей ярлыка ни деревенщины, ни террористки. Но и она, и ее муж обожали этот остров, и после защиты Анни переехали во Францию именно за тем, чтобы каждые каникулы возвращаться на Корсику.

Второе имя принадлежало Бернару Родье – солидному, хотя и скучноватому исследователю цистерианского ордена, а третье было встречено покашливанием и хмыканьем. Джузеппе Роккиа, – «теолог для всех», как он себя называл. Это был преподаватель в университете города-побратима Перуджи, который зарабатывал в десять раз больше своего университетского жалования написанием книг и теологических статей в модных журналах. Также он выступал на итальянском телевидении, объясняя массам свою версию мировых религий. По этой причине Анни его и защищала: Роккиа простыми словами объяснял то, что многие считали сложным и изощренным, и еще за то, что он помогал итальянскому телевидению, которое отчаянно нуждалось в помощи. Она читала его книги – мировые бестселлеры – и многое, им сказанное, находила ценным. Оказавшись недавно в Перудже, она спросила у коллег, почему Роккиа продолжает преподавать – учитывая, сколько он заработал своими книгами и выступлениями в ток-шоу.

– Это ему придает респектабельности, – ответил ей Дарио, потягивая «кампари» на одной из множества восхитительных площадей города. – Да и вообще, нам, итальянцам, приятно обращение «дотторе».

Бернар Родье поставил пустой бокал на столик эпохи Империи (из редких пород деревьев, растущих в бывших колониях Франции) и вышел. «Вылетел», – как скажет потом Анни мужу, рассказывая вечером о событиях дня. Она слегка улыбнулась по поводу неловкого поступка Бернара, перечеркнувшего его шансы на пост дуайена. Потом посмотрела на Янна и Тъери и вспомнила времена собственного студенчества – недельные празднества в корсиканской деревне, когда ее приняли в Гранд-Эколь в Париже, силы и время, затраченные на изучение английского, годы докторантуры в Коннектикуте – зарабатывать на обучение приходилось официанткой во французском ресторане Нью-Хэйвена. И сейчас тоже надо было работать сверх меры: когда хорошо было бы почитать детям книжку на ночь или оказаться в постели с мужем, она допоздна сидела за письменным столом. Но вскоре награда окажется того достойной. Она может стать – и станет – следующим дуайеном теологического факультета, перевезет семью из безликой многоэтажки семидесятых в самый вожделенный дом во всем Эксе. Жалости к Бернару, который сильно отставал от нее по публикациям и не учился в престижном иностранном университете, она не испытывала.

– Pauvre Bernard,³ – шепнула она, улынувшись.

³ Бедный Бернар (фр.).

Глава 2. Истинные ученые

Анни Леонетти поставила на стол бокал и оглядела затихший зал. Жорж Мут закашлялся, прикрыв рот рукой, и прервал неловкое молчание. Может ли быть, что Мут сегодня назовет своего преемника? Она постаралась сдержать улыбку при этой мысли и вдруг пожалела, что не взяла с собой мужа.

– В общем, это можно объявить уже сейчас, – произнес хозяин приема отчетливым лекторским голосом. – Я решил, после всех размышлений, отложить свою отставку...

По залу прошел ропот, и снова дуайену пришлось кашлянуть, чтобы восстановить тишину.

– ...на неопределенный срок, – закончил он ответом на вопрос, который вертелся в головах почти у всех гостей. – Я пока еще работоспособен. – Он попытался изобразить смешок. – Победитель же конкурса на стипендию Дюма... – он бросил взгляд в сторону Янна и Тьери, – будет объявлен на следующей неделе в это же время. А теперь, дорогие гости, ешьте, пейте и чувствуйте себя как дома.

Янн положил кусок пиццы на стол и глянул на Тьери.

– Вдруг расхотелось есть.

– Я тебя понял, – ответил Тьери. – Жаль, что мы не можем поделить стипендию.

– Нет-нет, – произнес друг с такой серьезностью, какую Тьери редко у него видел. – Ты – настоящий ученый, а я пошел на теологию, потому что туда легче всего было попасть, а еще я надеялся, что моих родителей это здорово взбесит.

Тьери взял бутылку и налил другу и себе.

– А отчего бы нам не выпить? У тебя получилось?

– Что получилось? – переспросил Янн, накладывая себе закуску. После признания к нему вернулся аппетит.

– Родителей взбесить. Получилось?

Янн засмеялся, поднял в тосте бокал.

– Забавно вышло. Отец снимал документальный фильм о Туринской плащанице – и вдруг оказался католиком-реформистом и мистиком. Он решил, что это здорово – сын, изучающий теологию. А что меня больше всего удивило – мама тоже. Ее богатый двоюродный дедушка служит миссионером в Южной Африке, и она подумала, что на него это произведет впечатление.

– Будем считать, что я тебе поверил, – заявил Тьери. – Хотя я все равно считаю, что ученый ты настоящий.

Янн засмеялся.

– Я сам удивился, когда мне понравилось изучать теологию. Основной причиной тому была доктор Леонетти. Но будет у меня стипендия или нет, а в страну МБА лежит мой путь.

Тьери налил вина Янну, а себе не стал. Янн заметил его нахмуренное лицо и спросил:

– Что случилось? Ты не волнуйся, даже если уеду в Штаты, будем с тобой держать связь.

Тьери покачал головой, наклонился к Янну поближе:

– Да нет, не в том дело. А что Мут не хочет в отставку. Представь себе, каково сейчас Леонетти. Я думал, она его заменит. А ты как считал?

Янн посмотрел через зал на Анни Леонетти, сидевшую в кресле с прямой спинкой, руки на коленях, глаза в потолок.

– Я тоже так думал, но что мы знаем? Нам тут ничего не говорят. Может, другие преподаватели выстроились в очередь за этой должностью. Родье, например, или вот тот из Тулузы, у которого пунктик – Норманнская церковь. А Мут все равно скоро уйдет – он совсем древний.

– Скоро – это как скоро? Ты же знаешь, как бывает: думаешь, что какая-то вещь уже у тебя в руках, а раз – и нет. И знаешь, как это тяжело. Уйдет он через шесть месяцев или через три года – на самом деле не важно. Все равно это подобно удару под дых.

Янн глотнул вина и попытался вспомнить, когда с ним такое бывало, но не смог. Когда Лаура ему в последнюю минуту сказала, что в июле с ним в Британию поехать не сможет, а он через друга узнал, что поехала она в Сан-Тропе с одним парнем, который уже работал в адвокатской конторе? Да нет, это быстро забылось, когда в то же лето вернулась в его жизнь Сюзанна.

– Ты посмотри! – Тьери кивнул в противоположный угол зала. – Не знай я, как оно на самом деле, я бы решил, что мадемуазель Захари неровно дышит к *Муту*.

Янн посмотрел в ту сторону, и его передернуло.

– Смотреть противно! Что она делает? Как будто лезет к нему с поцелуем! Я думал, она на факультете всех ненавидит, особенно меня. Я ее уже достал вопросом, когда же будет присуждена стипендия Дюма.

– Нет, – возразил Тьери, беря со стола крекер. – Я думаю, она тебя задолго до того ненавидела.

Янн поморщился, но решил на замечание друга не отвечать.

– Но ты прав, дуайена она в данный момент точно не ненавидит.

Одри Захари, двадцати семи лет, была аспиранткой на факультете истории искусств, а на факультете теологии стала подрабатывать еще на последнем курсе. Когда она получила диплом, как раз уволилась секретарша факультета теологии, и подработка стала постоянной работой. Одри была ею весьма недовольна и всем твердила, что не собиралась становиться на эту дорогу и лишь экономический кризис заставил ее печатать письма и вести документацию. В то же время она ревниво защищала свою новую роль на факультете и гордилась постоянной работой с хорошим пенсионным фондом и длительным отпуском.

– Она пытается поцеловать его в ухо? – спросил Янн, жуя кусок хлеба.

– Нет, она ему что-то шепчет. Наверное, о том, как сильно тебя терпеть не может.

Янн взял кусок сыра и поморщился.

– Ну просто дерьмо этот сыр. Нет, я буду зарабатывать так, чтобы покупать нормальную еду и вино.

– Вот-вот! – отозвалась доктор Леонетти, оказавшись с ними рядом. – Я рада, что вино вам понравилось. Странно, что в такой холмистой местности очень близко от моря производят настолько сердечные и сильные красные вина.

Ей стало не по себе после гневного ухода Бернара, потому что она отчаянно хотела унаследовать пост профессора Мута, но отлично сознавала, как просто (и в случае Бернара – небрежно) может человек выпасть из милости старого дуайена. Что означает этот «неопределенный срок»? Еще один учебный год? Он пройдет быстро, но больше выдержать было бы трудно. Муту сейчас около семидесяти? Анни поняла, что не имеет представления, сколько лет дуайену. Может, ему даже шестидесяти еще нет? Возможно ли это? Кто может знать. Даже мелькнула мысль подружиться с секретаршей Мута, которую Леонетти презирала.

Эти мысли прервал комментарий одного из двух студентов:

– И самое странное, что в Кассисе, прямо по дороге, делают только яркие, игристые белые!

Анни Леонетти уставилась на Янна, удивленная его знанием вин. Ей вдруг стало хорошо просто так стоять с Тьери и Янном и говорить о вине, о футболе, о чем там еще говорят мальчишки.

– Да, меня тоже всегда это поражало! Откроем еще бутылку? – спросила она, нагибаясь и доставая из-под полотняной скатерти бутылку, припрятанную ею там до начала вечеринки.

Глава 3. Очень глупая затея

Янн уставился на Тьери, не веря своим глазам. Его рука лежала на дешевой металлической ручке двери, приоткрытой на несколько сантиметров.

– Не... не может быть, – сказал Тьери, икнув. – Я знаю, что эти старые здания... совсем разваливаются, но чтобы так... вот просто войти...

– Тсс! – Янн предостерегающе поднял руку. – Попробуй икать потише? Давай, я за тобой.

Студенты протиснулись в дверь – никто из них не подумал открыть ее шире. Эта дверь находилась в боковой стене здания факультета изящных искусств, выходящей в переулочек для мусорных баков. У Янна был некоторый опыт вскрытия замков: в доме, где находилась отцовская квартира, задняя дверь была такой же винтажной и замок отжимался легко. Это бывало полезно, когда Янн забывал ключи и не имел желания объясняться с отцом по поводу прихода в три часа ночи. Был еще один инцидент с пребыванием в полицейской камере и неодолимым выражением на лице отца, когда Янн пришел утром.

Янн совершенно бесшумно закрыл дверь и показал на лестницу слева, посветив миниатюрным фонариком:

– Его кабинет на четвертом этаже. Пошли.

– Совершенно идиотская затея.

– Я же тебе уже объяснил, – сказал Янн, подталкивая Тьери по ступеням вверх. – Мут явно сошел с ума – он сегодня всем это показал. Все время над нами издевается, передвигая срок, бросая намеки, кому она присуждена. А что, если он решит отменить стипендию? Или сменить победителя?

– Если нас поймают, мало нам не покажется, – заныл Тьери, останавливаясь на лестнице.

– А кто узнает? – шепнул Янн. – Войдем и выйдем тихо, как церковные мыши.

– А если Мут в кабинете?

– Я тебе уже сказал: он будет крепко спать дома! Старики спят много.

– Я думаю, наоборот, – возразил Тьери. – Им сна нужно меньше, чем нам.

– Да бог с ним, – вздохнул Янн. – Его там так поздно быть не может, уже почти два часа ночи. Кстати, ты весь покраснел.

Тьери тронул лоб тыльной стороной ладони.

– Ты знаешь, что меня прошибает пот, когда я нервничаю. Кстати, еще один признак, что мы задумали глупость!

– Послушай, если мы найдем документы, где сказано, кто получил стипендию, я их сниму на телефон и покажу доктору Леонетти. И тогда будем готовы, если он вдруг свернет в сторону, как сегодня вечером.

Тьери посмотрел в темный коридор и попытался представить себе, что сейчас день и коридор полон студентов, служителей и преподавателей. Но при этой попытке темнота и тишина стали казаться еще более зловещими.

Янн увидел тревогу Тьери и тихо сказал:

– Мы пробудем здесь не больше десяти минут. Разве тебе не любопытно?

– Это да. Тот факт, что я пьян, тоже способствует излишнему любопытству.

– Тише! Так, его дверь четвертая по левой стороне. Видишь ее? – Янн посветил на ряд дверей, каждая из светлого дерева и выложенная резными квадратиками, модными в тридцатых годах. – Вот она.

Янн отдал фонарик Тьери, вытащил из заднего кармана бумажник и достал банковскую карточку.

– Университетским удостоверением надо!

– Тихо ты. Давай серьезно. Смотри, сейчас откроется – как в кино. – Он приставил карточку справа от ручки двери, к щели между дверью и рамой. – Посвети мне, я должен видеть, где у замка язычок.

Тьери наклонился и сделал, как просили, но не увидел темной полосы там, где должен быть язычок замка.

Янн обернулся к другу и пожал плечами. Положив ладонь на ручку двери, он осторожно ее повернул, и дверь открылась.

– Я же тебе говорил, – прошептал он. – Мут совсем из ума выжил, даже дверь сегодня не запер.

– Свет включать будем? – спросил Тьери.

– А почему нет? Окна кабинета выходят не на улицу, кто может увидеть? Давай включай.

Вспыхнул свет, и кабинет дуайена предстал во всем блеске своей чопорной роскоши. Янн, морщась от этой безвкусицы, оглядел обстановку.

– Смотреть противно!

Он повернулся к другу в поисках поддержки, но Тьери уставился на огромную картину маслом девятнадцатого века, изображающую святого Франциска Ассизского. Янн, упершись руками в бока, не утихал:

– Уж выдержал бы кабинет в ар-деко, чтобы он гармонировал с чистыми контурами здания! Что за безвкусица?

Янна в детстве много таскали по аукционам старинных домов, и он часто бывал в демонстрационном зале у матери. Поначалу, сразу после развода, она так искупала свою вину за то, что мало уделяет ему времени, но очень скоро стало ясно: младший сын не только любит хороший дизайн, но и обладает отличным глазомером.

Тьери окинул взглядом кабинет, и хотя он знал, что имеет в виду Янн под «чистыми контурами» и «ар-деко», ему нравились красные бархатные шторы на окнах, ряды темного дерева книжных полок вдоль стен и даже отстающие белые с золотом обои. В таком месте, представлялось ему, можно целый день с удовольствием работать. Оазис среди дешевых неинтересных зданий университетского кампуса.

– Где будем искать? – спросил он, отводя глаза от святого Франциска и стыдясь совершенного греха – нарушения закона. Ему было холодно, хотелось быстрее найти документы и убраться отсюда.

– Ну, лучше всего будет в ящике для папок, там должна быть одна с надписью... хм... «Стипендия Дюма»? А ты как думаешь?

– Да как угодно!

Тьери подошел к книжным полкам, под которыми были смонтированы ящики. Открыв дверцы одного из них, он увидел, что там снова книги. Янн подошел и открыл дверцы рядом – на полках были аккуратно сложены бумага и офисные принадлежности. Они подошли к третьим дверцам и открыли их – Янн присвистнул.

– Бинго! – прошептал он, увидев ящики с папками, напомнившие им о цели поиска и о том, что они нарушают закон.

Выдвинув верхний, Янн увидел, что папки сложены по алфавиту. Быстро их пролистав, он нашел одну с грифом «Дюма» и встал, открыв ее, чтобы и ему, и Тьери было видно. Янн держал папку, Тьери листал страницы.

– Вот наши заявления. Вот мое и сразу твое. А это... Гарриг?

– Не волнуйся, у нее ни единого шанса. Ты слышал, как она на занятиях выступает?

Тьери облегченно выдохнул.

– Да, ты прав. Но вообще-то, она умна. И с виду ничего себе, как по-твоему? Ну вот если ее одеть по-современному, нарисовать и очки снять.

Янн недоуменно уставился на друга:

– Ты что, журнала Elle начитался? – Раздраженный болтовней Тъери, он нетерпеливо взял следующее заявление. – А, Клод. Без шансов. Оценки у него похуже наших, и он нелюдим. Черт побери, тут ничего нет о победителе!

– Значит, так тому и быть, пошли отсюда, – сказал Тъери, беря папки и засовывая их обратно в стол. – Мне что-то захотелось оказаться где-нибудь подальше.

Он обернулся к Франциску. Святой из Умбрии смотрел на него со стены и улыбался.

– Нет. Еще у него на столе посмотрим. Он мог где-нибудь записать имя.

Янн пошел к столу. Тъери, вздохнув, направился следом.

– Я тогда посижу, пока ты ищешь, – сказал он. Подойдя, он остановился, поняв, что чего-то не хватает. – А где его кресло? – спросил Тъери, обойдя вокруг стола. – Может, он работает на современном эргономичном табурете?

Янн засмеялся. В руках у него была папка без этикетки, лежавшая на столе.

– Трудно себе представить, чтобы Мут закупался в «Икее»!

Тъери ахнул и, отпрыгнув, налетел на мраморный столик, отчего ваза на нем покачнулась и стала падать. Янн бросил папку и успел подхватить вазу, крикнув:

– Тъери, merde!⁴

Он решил, что эта ваза ар-нуво из... из Нанси? Попытался вспомнить художника-стеклодува на рубеже веков, работы которого покупала мать для очень, очень богатых клиентов, но это оказалось нелегко. Те вазы всегда были темные, из дымчатого стекла с оттенками зеленого, коричневого и оранжевого, с цветами и побегами, ползущими вверх по стенкам.

– Иисус, Мария и Иосиф! – завопил Тъери.

– Тише, ты! Они тебя все равно не услышат посреди города!

Тъери резко отвернулся от Янна к стене, навалившись локтем на стол и издавая нечленораздельные звуки.

– Эй! – окликнул его Янн, наконец встревожившись. Похлопал приятеля по плечу. – Ладно, пойдем уже.

Тъери не двинулся с места, но медленно протянул руку за спину, показывая на пол позади стола. Янн посмотрел в ту сторону.

– О-о-о! – На полу, позади стола, навзничь лежал дуайен. Глаза его были открыты. Рядом валялось перевернутое кресло. – Бежим!

Тъери обернулся, заставил себя взглянуть на тело Мута, потом перевел глаза на друга.

– Янн, нельзя же его так оставлять!

Янн потянул Тъери за свитер.

– Нельзя, чтобы нас тут поймали! Мы сюда проникли незаконно, да и куда будем звонить? Он мертв! Наверняка сердечный приступ.

– Давай хоть «Скорую» по дороге вызовем! – взмолился Тъери, доставая телефон. Янн поймал его за руку.

– Его утром найдут! Давай быстро отсюда!

– Анонимно можно позвонить, – возразил Тъери.

Янн взял Тъери за плечи, повернул к себе, посмотрел ему в глаза.

– Возьми себя в руки. Старому хрычу уже ничем не помочь. Надо о себе подумать и быстро отсюда исчезнуть. Утром его найдет уборщица. Давай идем.

Тъери посмотрел на друга – аргументы Янна его убедили. Если их найдут в кабинете Мута, никому из них стипендии не видать, да и из университета наверняка вышибут. И окажется он учителем французского где-нибудь на рабочей окраине Марселя, как его отец.

Он снова посмотрел на дуайена, ужаснувшись его открытым глазам. Этот взгляд Тъери Маршив запомнит на всю оставшуюся жизнь. Через тридцать лет, когда он сам окажется гла-

⁴ Дерьмо!(фр.)

вой теологического факультета маленького американского колледжа, его четырехлетняя дочь сорвется с качелей, и на две или три секунды ее пустые глаза будут таращиться в огромное чистое небо, пока она не переведет дыхание, а Тъери, уже на грани обморока, разразится слезами облегчения. И еще раз он увидит такие глаза у одного слишком худого и слишком нервного коллеги, который после ежедневной пробежки по кампусу свалится с инфарктом в кабинете у Тъери.

– Пойдем отсюда, – сказал он тихо.

По дороге к двери Тъери еще раз украдкой оглянулся на картину и понял, почему она ему так нравится: святой Франциск улыбался, наклоняясь и будто разговаривая с птицами, а не проповедуя им. Над ними раскинул ветви большой дуб, защищая святого и его друзей; фон был испещрен яркими полевыми цветами. Янн вздохнул, придерживая дверь и пропуская друга.

– Галле, – шепнул он, досадуя, что Тъери так понравился этот кич девятнадцатого столетия.

– Что?

– Я про вазу, которую спас от гибели. Это работа Эмиля Галле.

Тъери не ответил. Он страшно удивился тому, что друг может говорить о вазе, когда дуайен факультета теологии лежит здесь без дыхания.

А в папке, оброненной Янном, было указано – о чем не знали друзья – имя лауреата стипендии Дюма.

Глава 4. В каждой работе...

Дождь заладил с раннего утра и лил, не ослабевая. Из кухонного окна было видно, как он лупит по растениям во дворике. В Провансе уже несколько месяцев не шли дожди – Полик не мог вспомнить, когда был последний, – и сейчас погода компенсировала упущенное время. По радио объявили, что жителей деревни в Верхнем Провансе эвакуировали из-за опасности наводнения. Он вспомнил гравийную дорожку, ведущую к ферме родителей возле Ансуи, в южном Любероне – от наводнения далеко, но после таких вот дождей она тоже превратится в болото. Купленный им «Рейнджровер» в эти дни окупался: уже не надо парковаться на шоссе за триста метров от каменного дома родителей, а на полноприводной машине можно проехать на самые дальние виноградники отца и его жены Элен. Хотя отец, ему уже под восемьдесят, предпочитал ходить пешком.

«Буду ходить, пока смогу», – бурчал он в ответ на предложение подвезти. Но Полик подозревал, что у отца на самом деле другие мотивы: недавно Альсест Полик нашел в междурядье виноградника римскую монету и был теперь одержим идеей найти еще. Эту монету он показывал всем, кто появлялся в доме, – от родственников до служителя электрической компании, пришедшего снимать показания счетчика. Хотя надпись стерлась, Альсест был совершенно уверен, что бюст, явно различимый, изображал Адриана: бородатый, с длинным орлиным носом, одетый в тогу и лавровый венок. Отец стал, как показалось Полику, в одну ночь фанатичным любителем истории и заставлял Бруно возить себя в Экс (родители в «la grand ville»⁵ сами ездить не любили), чтобы брать в библиотеке книги по римской истории.

– Папа! – простонала Лея, опуская на руки белокурую головку.

Бруно Полик обернулся к дочери.

– Сольфеджио! Сольфеджио! – заговорила она. – Терпеть его не могу. Зачем нас заставляют? Я и так умею читать ноты!

Она подняла голову и отпихнула от себя тетради. Они поехали по полированному сосновому столу и упали на пол. Полик отошел от окна, приблизился к дочери, обнял ее.

– Ты же знаешь: чтобы попасть в Экс в консерваторию, нужно прослушать все курсы нотной грамоты, хотя ты ее уже знаешь. – Дочь не ответила, и Полик добавил: – Лея, ты любишь петь, но в каждой работе, как ты ее ни люби, есть обязанности, которые тебе делать не нравится. Но чтобы работа получалась как следует, приходится иногда... – Он искал нужное выражение, но нашел только одно: – Изрядно попотеть.

Он находил излишне трудные, но обязательные занятия теорией музыки скорее вредными, чем полезными. Идеальный способ убить в ребенке любовь к музыке, сказала однажды Элен. Если бы его, сына люберонских крестьян, заставили проходить тот же курс сольфеджио, который проходит его маленькая дочка, он бы навеки оперу разлюбил. Лея любит петь – почему ей нельзя просто петь, а теорией заняться, когда станет старше?

Он нагнулся, поднял упавшие тетради и прошептал:

– Мятное мороженое с шоколадной крошкой.

Лея просияла, кивнула, подняв два пальца, то есть два рожка мороженого. Полик достал из морозильника мороженое, Лея полезла в буфет за блюдами.

Они уже доедали светло-зеленый сладкий холод, когда открылась дверь.

– Мама! – завопила Лея. – У нас перерыв на мороженое!

Элен Полик уставилась на мужа, изображая гнев, а потом рассмеялась.

– А ты не хочешь? – спросила Лея.

⁵ Большой город(*фр.*).

Элен не понимала, как муж и дочь могут есть мороженое, когда так холодно, хоть печь растапливай.

– Нет, я бы лучше выпила горячего пунша, – ответила она и прислонилась к стенке – снять резиновые сапоги.

– Сейчас будет, – пообещал Полик, ставя чайник.

Лея подошла к бару и спросила:

– Мам, ром или виски?

Супруги Полик переглянулись.

– Ты думаешь, это хорошо, когда девятилетний ребенок знает, что льют в горячий пунш? – спросил Бруно у жены.

– Ром, деточка, – ответила Элен. – Что я могу сказать? У нас очень развитый ребенок.

– Ты устала и промокла, – сказал Бруно, накидывая на плечи Элен ее любимое шерстяное пончо.

– Больше промокла и расстроилась. Пришлось в этот уик-энд работать на виноградниках... ты знаешь, каково это, у твоего папы приходилось.

– А что такое, мам? Лозам не хватает почвы? – спросила Лея.

Элен подошла к любимому креслу возле камина и села. Обновив свой сельский дом в Пертюи, чета Поликов сохранила только несущие стены, а первый этаж сделала как можно более открытым. Много внимания уделили большой современной кухне с камином, с двух сторон от которого стояли два больших кресла. Родители Бруно, приехав первый раз после ремонта, обходили дом, не веря своим глазам.

«Оригинально!» – бурчала старшая мадам Полик, проводя рукой по ящикам нержавеющей стали и металлу рабочих поверхностей. Она предпочитала дуб.

– В начале ноября полезно дополнительно окучить лозы. Защищает от морозов, – ответила Элен, глянув на дочь. Растирая себе ноги, она продолжала говорить, переведя взгляд на мужа: – Но с этими дождями... мы пошли работать в погреб, расставлять вино для розлива. Оливер, кажется, поругался с женой: молчал как рыба. А я, хотя этим делом занимаюсь уже лет двадцать, никогда не привыкну к такой холодной-холодной-холодной сырости винного погреба.

– Ну, если повезет, сможешь окучить их на следующей неделе, – произнес Полик. – Дожди уже кончатся, а морозы еще не начнутся.

– Надеюсь, ты прав, – улыбнулась Элен. – Но Оливер все равно в полной панике.

– Это у Оливера Боннара любимое состояние. Оно позволяет ему не общаться с женой. У тебя, если шире посмотреть, отличный работодатель. Позволяет тебе делать все, что ты хочешь, и ставить на бутылках свою фамилию. В основном владельцы винных ферм слишком для этого глупы и упрямы.

– Ты прав, – согласилась Элен. – Но мне хотелось бы когда-нибудь завести свою ферму.

Бруно Полик улыбнулся и накрыл колени жены шерстяным одеялом. Учитывая его жалование полицейского и цены на землю в Провансе, мечта жены стать самой себе хозяйкой была безнадежна.

– Может, и не в Провансе, – добавила Элен, улыбнувшись. – Что-нибудь подешевле. В Чили, например? – Она поежилась и натянула одеяло повыше. – Бруно, не подбросишь еще полено?

Он кивнул и направился к задней двери, и тут у него зазвонил телефон.

– Полик слушает.

– Простите, господин комиссар, что беспокою вас в субботу, – произнес собеседник.

– Все в порядке, Ален. Что случилось?

– В университете убили профессора, – ответил Ален Фламан, один из любимых агентов комиссара.

Полик вышел из кухни и взбежал по лестнице в небольшой кабинет.

– Что известно? – спросил он, плотно закрывая за собой дверь.

– Профессора Мута нашла утром уборщица. Сначала она решила, что у мужчины сердечный приступ, но присмотрелась и увидела, что у него проломлен висок. Когда прибыла «Скорая» и санитары увидели тело, они тут же позвонили в полицию. Я постарался побыстрее оказаться на месте. Профессора ударили по голове.

– Понятно, спасибо. Выезжаю. Вы еще там?

– Да. Это один из гуманитарных корпусов, сто двадцать четыре по улице Жюля Дюма. Четвертый этаж. Вы там увидите полицейских, мы оцепили все здание.

– Тогда ждите меня. Я буду через тридцать минут.

Лея внизу демонстративно вздохнула и с размаху хлопнула карандашом по столу.

– Лея! – одернула ее сидевшая рядом Элен.

– Но папа телефон наверх унес! А это значит, что он прямо сейчас уедет в Экс!

– Вероятно, дорогая.

– А кто же мне поможет сольфеджио сделать? Я же провалюсь!

– Я помогу, – ответила Элен, беря учебник дочки по теории музыки.

Лея посмотрела на мать скептически. Элен Полик сделала вид, что не заметила приподнятой брови дочери.

Глава 5. Один на миллион

Слушай, – произнесла Марин. – «Наполеон однажды сказал, что самый могущественный человек во Франции – это следственный судья».

– Очень мило, – пробурчал Верлак и потянулся через нее за очками для чтения. – Хорошее настроение на целый день.

– Прекрати, я знаю, что ты заметил ошибку!

– Какую ошибку? Что это Бальзак сказал, а не Наполеон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.